

В этот момент он услышал звонок у ворот во дворе, сопровождаемый звонким голосом:

— Бог богатства прибыл! Большое счастье и удача! Поздравляем с богатством!

Рабочий принц Линь Шисинь в канун Нового года, в момент перехода от старого года к новому, занялся делом — ходил по домам и раздавал изображения бога богатства.

Эта работа была очень выгодной. Близилось к полуночи, время, когда каждая семья была в радостном настроении. Линь Шисинь, одетый в красную пуховку и синие джинсы, с нежно-белым лицом, покрасневшим от холода, держал в руках пачку ламинированных цветных бумажек. На них был изображён радостный бог богатства, двое детей — мальчик и девочка, несущие богатство, а также золотые рыбки, слитки и банкноты. Раздавая картинки, он произносил благопожелания, а хозяева дома, чтобы встретить бога богатства, давали ему деньги. В этом районе вилл, где жили богатые семьи, двести-триста юаней не были неожиданностью.

Линь Шисинь всё ещё радостно сыпал пожеланиями, когда Ци Фэйжань, держа лук, открыл калитку.

— Желаю вам в новом году исполнения всех желаний, изобилия богатства, процветания бизнеса... и скорейшего рождения наследника, — говорил Линь Шисинь, но, увидев перед собой Ци Фэйжаня, он остолбенел.

Ци Фэйжань рассмеялся, бросил лук в сторону, наклонился и поднял Линь Шисиня на руки, глядя на него снизу вверх с улыбкой:

— Бог богатства останется, и дети, несущие богатство, тоже останутся.

Линь Шисинь некоторое время барахтался в его объятиях, прежде чем его опустили. Он огляделся:

— Это твой дом?

— Да, дом моего отца.

— О, он огромный, — Линь Шисинь всё ещё был в замешательстве.

В этот вечер, находясь среди так называемой счастливой семьи, Ци Фэйжань чувствовал невыразимое одиночество, которое исчезло, как только он увидел Линь Шисиня.

— Не замёрз? — Ци Фэйжань наклонился, взяв лицо Линь Шисиня в свои ладони.

— Нет, а ты что здесь делаешь? Стреляешь из лука? — Линь Шисинь, войдя, заметил стрелы на земле и мишень вдали, на мгновение забыв убрать его руки.

— Да, в доме скучно, вот и вышел пострелять, не ожидал, что встречу тебя, — голос Ци Фэйжаня поднялся от радости. Да ещё и такого, который сам пришёл.

Линь Шисинь поднял голову, его лицо всё ещё было в ладонях Ци Фэйжаня, который согревал его покрасневшие от холода щёки.

Ци Фэйжань, глядя в его большие яркие глаза, почувствовал волнение, наклонился и поцеловал его.

— Новый год наступил! — Раздался бой новогодних колоколов, и вдали в небе внезапно вспыхнул огромный фейерверк, освещая их лица, переливаясь красками.

Фейерверк ещё не успел опуститься на землю, как Ци Фэйжань получил удар в плечо. Он с улыбкой отступил на шаг, глядя на Линь Шисиня.

Линь Шисинь почувствовал боль на губах, провёл пальцем и увидел кровь.

— Ты всегда так! Всегда так! — Линь Шисинь, говоря это, яростно лупил Ци Фэйжаня по плечу.

Ци Фэйжань почувствовал, что первый удар был сильным, но следующие два удара были уже слабее.

— Бей, подходи, бей, — Ци Фэйжань слегка расстегнул куртку.

Линь Шисинь развернулся и пошёл прочь.

Ци Фэйжань схватил его за руку:

— Эй, не уходи, а то я тебя обниму.

Новый год наступил как положено. В городе Ин обычай гласил, что после полуночи каждая семья запускает фейерверки и петарды. В этот момент грохот был оглушительным, и Линь Шисинь не слышал, что он сказал, продолжая идти. Ци Фэйжань обнял его сзади, улыбаясь:

— С Новым годом.

Двери гостиной на первом этаже открылись одна за другой, дяди и тётки с детьми вышли посмотреть на фейерверки. Мужчины, женщины и дети внезапно появились в большом количестве. Ци Фэйжань отпустил Линь Шисиня, взял его за запястье и подвёл к своей семье.

— Это мой одноклассник, Линь Шисинь, — представил Ци Фэйжань.

— А, с Новым годом, одноклассник.

— Здравствуйте! — раздались приветствия.

— С Новым годом, дяди и тётки, — сказал Линь Шисинь.

Мальчик и девочка, ростом по колено, одетые в красные ватные куртки, подпрыгивая, подбежали к нему и посмотрели вверх:

— Здравствуйте, брат.

— Здравствуйте, с Новым годом! — Линь Шисинь достал из кармана красные конверты и раздал по одному каждому. — Как вас зовут?

— Меня зовут Лили, как цветок жасмина.

— Меня зовут Маомао, как волосок.

Линь Шисинь фыркнул. Имя девочки ещё куда ни шло, но мальчик? Это что, имя для собаки?

Мама Маомао наклонилась и взяла сына на руки:

— Не Мао, а Мао, как густой лес.

Линь Шисинь был окружён дядями и тётями, которые задавали вопросы о том, где он живёт, есть ли у него братья и сёстры, учится ли он в одном классе с Ци Фэйжанем и как успехи в учёбе. Линь Шисинь вежливо отвечал на всё.

Ци Ляньхуай, увидев эту сцену издалека, подошёл и незаметно оглядел мальчика:

— Впервые вижу, чтобы Фэйжань привёл одноклассника. Ты уже поел?

Линь Шисинь, увидев этого высокого и худощавого мужчину средних лет, почувствовал, что где-то его уже видел. Хотя его лицо было добрым, в нём чувствовалась некая властность, как и у Ци Фэйжана, которая давила на окружающих. Он ещё не успел подумать, как ответить, как Ци Фэйжань уже повёл его в дом, сказав:

— Я отведу его поесть.

Линь Шисиня почти волоком затащили в спальню. Дверь закрылась на замок, Ци Фэйжань повернулся и обнял Линь Шисиня, улыбаясь, он повернулся с ним на пол-оборота, и Линь Шисинь услышал его сдержанный смех:

— Эй, отпусти, что происходит? У тебя же есть парень.

Ци Фэйжань отпустил его:

— Я просто слишком рад видеть одноклассника.

Линь Шисинь огляделся. Большая спальня, тёмно-синие стены, холодное ощущение, вокруг не было никаких лишних вещей, видно, что здесь редко бывают.

Ци Фэйжань сказал:

— Посиди немного, я попрошу повара разогреть тебе еду.

Линь Шисинь схватил его за руку:

— Не надо, мне ещё нужно выйти, — он потряс пачкой картинок с богом богатства. — Я ещё не всё раздал.

— Отдай всё мне, сегодня твой бог богатства принадлежит мне, — с улыбкой сказал Ци Фэйжань и вышел из комнаты.

Линь Шисинь сел на кровать, с этого угла он увидел под столом у кровати открытый ящик, в котором лежали грамоты и кубки. Хотя пыли не было, видно, что комнату регулярно убирали, но грамоты не были вставлены в рамки, а хрустальные кубки не стояли на подставках, казалось, их просто бросили туда, как принесли.

Линь Шисинь внимательно рассмотрел надписи на них: грамоты за международные олимпиады по физике, а также награды за конный спорт и фехтование.

Линь Шисинь вспомнил свои грамоты за различные конкурсы сочинений, которые он получал с детства. Каждую из них Линь Юээ смотрела снова и снова, либо вешая на стену, либо аккуратно размещая в стеклянной витрине. Ни одна из них никогда не была просто брошена.

За эти короткие десять минут Линь Шисинь уже почувствовал ту непонятную, вежливую отстранённость между Ци Фэйжанем и его семьёй. Видя, что награды и кубки не ценятся, можно было предположить, что Ци Фэйжань не был любимым ребёнком. Как он рос в одиночестве, можно было понять по его характеру — он почти не умел «открывать своё сердце», всегда был мрачным и молчаливым.

Только перед одним человеком он становился счастливым, как ребёнок, и этим человеком был он сам.

Линь Шисинь вздохнул, и в этот момент его снова охватило знакомое чувство бессилия.

Ци Фэйжань вошёл в комнату и протянул ему стакан воды. Линь Шисинь взял его и начал пить. Это был чай с красными финиками, ароматный и сладкий, температура была идеальной.

Ци Фэйжань с нетерпением ждал, пока Линь Шисинь сделает несколько глотков, затем выхватил стакан и поставил его на стол, закрыл глаза и прижался лицом к лицу Линь Шисиня.

Линь Шисинь не двигался, не отстранялся, он чувствовал, как его лицо нагревается.

Ци Фэйжань прижался на мгновение, затем открыл глаза и посмотрел на него:

— Жарко? Твоё лицо такое горячее.

Линь Шисинь отвернулся, не зная, что сказать. В его голове уже созрели слова, которые могли ранить, но он не мог их произнести. Эта молчаливая нежность... он хотел дать Ци Фэйжаню ещё несколько минут.

Ци Фэйжань протянул руку и расстегнул две верхние пуговицы на одежде Линь Шисиня. Тот, задумавшись, вдруг очнулся, схватил воротник и с испугом посмотрел на Ци Фэйжана.

Ци Фэйжань улыбнулся:

— Не волнуйся, я вижу, тебе жарко, сними куртку, — сказал он и, как бы показывая пример, снял свою куртку и положил её на стул.

Линь Шисинь сказал:

— Мне лучше уйти, уже поздно.

Ци Фэйжань ответил:

— Поешь, а потом пойдёшь.

Они молчали, чувствуя неловкость.

<http://bllate.org/book/17671/1647134>